

Фэн Юй был в некотором роде поклонником куньюй, поэтому, конечно же, знал о Сяо Лян Юйде — артистке, которая когда-то блистала наравне с Лян Юйе. Две прекрасные бабочки оперной сцены, они как раз находились на пике своей карьеры, когда судьба распорядилась иначе. Увы, Сяо Лян Юйде ушла из жизни слишком рано, поговаривали, что это было самоубийство. Всё изменилось, и если бы она была жива, то, возможно, стала бы такой же выдающейся артисткой, как мама Чэнь Хуаня.

Лян Юйе кивнула:

— Мы с остальными договорились завтра навестить её.

Чэнь Хуань колебался. В его памяти Сяо Лян Юйде осталась лишь смутным, почти призрачным прекрасным образом. Она была словно бабочка, которая присела на мгновение и тут же вспорхнула, улетающая прочь.

— Но у меня билет до Пекина на завтрашнее утро.

Фэн Юй бросил взгляд на лгущего Чэнь Хуаня. Будучи сыном, тот не хотел задержаться рядом с матерью даже на лишний день.

Чэнь Хуань отвел взгляд, чувствуя неловкость. На глазах у стольких старых знакомых матери, которых ему приходилось называть дядями и тетями, он не желал разыгрывать спектакль под названием любящая мать и почтительный сын. Он не был актером, не умел играть, да и не хотел.

— Сдай билет, я закажу тебе новый, — Лян Юйе умоляюще посмотрела на сына. Ей хотелось, чтобы он остался хоть на миг дольше, чтобы все эти старые знакомые увидели, что тот самый малыш, который когда-то бегал у них под ногами, вырос и стал взрослым мужчиной, чертами лица так похожим на неё саму.

— Не нужно, я сам закажу, — голос Чэнь Хуаня звучал крайне неохотно.

В сезон поминовения усопших моросит бесконечный дождь, и душа путника готова разорваться от тоски — эта фраза звучит как проклятие. Почему, как только приходит время посещать могилы, дожди становятся такими затяжными? Они наполняют всё вокруг такой гнетущей атмосферой, словно напоминая: жизнь коротка, и финал у всех один — холмик земли.

— Ты зачем увязался? — Чэнь Хуань с усмешкой покосился на Фэн Юя, который с серьезным видом сжимал в руках букет белых роз, уже целиком погрузившись в траурное настроение.

Фэн Юй лишь скривился. Он не стал упоминать, что Лян Юйе пригласила его не просто так, а чтобы он составил компанию её драгоценному сыну. Да и само искусство Сяо Лян Юйде в

жанре куньцзюй когда-то глубоко тронуло сердце юного Фэн Юя, так что почитать память своего бывшего кумира было для него делом чести.

— Слышал, как она пела? — тихо спросил стоявший рядом пожилой мужчина.

— Только в записи, я тогда был слишком мал, не застал её выступлений... — с легким почтением ответил Фэн Юй.

— Жаль, очень жаль. Стоило хоть раз увидеть это вживую, — глубокий вздох не мог скрыть горечи в его сердце.

— Цзян Хуай... — Лян Юйе мягко похлопала старика по плечу. На самом деле он был не так уж стар, просто выглядел дряхлее своих сверстников, которые до сих пор крутились в водовороте славы и богатства.

Это и был тот самый Цзян Хуай, первая звезда куньцзюй тех лет? Тот самый галантный Тан Минхуан? Чэнь Хуань изо всех сил пытался совместить в памяти образ того статного мужчины, который когда-то угощал его леденцами и просил называть себя дядей Цзян, с этим сгорбленным стариком с седыми волосами, морщинами на лице и хромой походкой.

В те годы опера Долголетие стала триумфом для Ян-гуйфэй в исполнении Сяо Лян Юйде и осветила путь Тан Минхуана в исполнении Цзян Хуая. Но слава длилась недолго. Говорили, что его ногу сломали хулиганы из-за Сяо Лян Юйде. С тех пор он ушел со сцены, устроился в местный театр заведовать хозяйством и теперь вел тихую, заурядную жизнь пенсионера. Он так и не женился, оставаясь в полном одиночестве.

— Чэнь Хуань, о чем ты думаешь? — заметив пристальный взгляд юноши, с улыбкой спросил Цзян Хуай.

— О, ни о чем особенном, — Чэнь Хуань улыбнулся в ответ.

— Ты очень похож на свою мать, — заметил Цзян Хуай.

Опять двадцать пять. Всю дорогу уши Чэнь Хуаня были забиты лестью, и особенно фразой про сходство с матерью. Лицо Лян Юйе сияло гордостью, а вот на лице Чэнь Хуаня наконец-то появилось подобающее случаю траурное выражение.

— Твой сын уже такой большой, интересно, где сейчас её ребенок... — голос Цзян Хуая стал тихим, он погрузился в далекие воспоминания.

Лян Юйе удивилась:

— Ты о Сяо Хуа?

— Да. Когда она ушла, ему было всего восемь. Я присматривал за ним какое-то время, а потом связь оборвалась...

— А тот человек...

Цзян Хуай закрыл глаза и покачал головой. Его нахмуренные брови заставили Лян Юйе замолчать. Она взглянула на молодежь в машине — были темы, к которым никто не хотел возвращаться.

Чэнь Хуань и Фэн Юй быстро обменялись взглядами. Оказывается, у Сяо Лян Юйде был ребенок, об этом они слышали впервые.

Кладбище находилось далеко, ехали больше двух часов. Вдыхая свежий, напоенный дождем воздух пригорода, Чэнь Хуань почувствовал, что настроение немного улучшилось. Хотя до настоящего праздника Цинмин было еще далеко, людей здесь собралось немало. Весь мемориальный парк был заполнен суетой, повсюду сновали торговцы цветами, благовониями и ритуальными деньгами, но, на удивление, никто не кричал и не шумел. Мертвые требуют уважения, и здесь царила редкая тишина. Чэнь Хуань, воспользовавшись тем, что никто не смотрит, сорвал белую хризантему с придорожного букета — раз уж пришел, надо соответствовать моменту.

Группа последовала за Цзян Хуаем, пробираясь сквозь морось между надгробиями. Чэнь Хуань, Фэн Юй и другие молодые люди несли венки, приготовленные старшими. Их процессия привлекла внимание многих посетителей, которые останавливались посмотреть. Возможно, они не знали, что здесь покоится когда-то блистательная звезда сцены.

К удивлению Чэнь Хуаня, могила Сяо Лян Юйде оказалась особенной: она стояла особняком, окруженная цветочной клумбой. На постаменте возвышалась беседка, внутри которой стояла черная, блестящая надгробная плита. В неё была вмурована черно-белая фотография молодой женщины, а ниже золотыми буквами было выведено: Могила Лян Хуэйдэ!

— Э? — Цзян Хуай остановился, вглядываясь в надгробие, а затем поспешил подойти ближе. Осмотрев его, он в изумлении воскликнул: — Неужели кто-то уже приходил?

Остальные, будучи здесь впервые, в недоумении смотрели на него.

— Плита новая. Я был здесь несколько дней назад, и она была старой, — лицо Цзян Хуая выражало крайнюю степень растерянности. — Почему кто-то снова это сделал?

— Наверное, её родственники, — Чэнь Хуань подумал, что этот Тан Минхуан совсем потерял рассудок. Казалось, он считает Сяо Лян Юйде своей исключительной собственностью и никому не позволяет к ней приближаться. Даже если это не родственники, она ведь была известной личностью, разве удивительно, что фанаты пришли почтить её память?

Лян Юйе взглянула на сына и прошептала:

— Тетя Сяо Лян была сиротой, у неё не осталось семьи.

— Кроме меня, никто не может сюда прийти. Я лично похоронил её здесь и никому не сказал, просто не хотел, чтобы её кто-то беспокоил... — говоря это, Цзян Хуай не смог сдержать слез.

— Это не первый случай. Эту беседку построили три года назад, клумбу тоже обновили, а в этом году заменили плиту...

— Нужно спросить в администрации кладбища. Замена плиты требует регистрации и оплаты, верно? — Чэнь Хуань не видел в этом ничего сложного.

Цзян Хуай был взволнован:

— В прошлый раз они записали моё имя, у них есть копия моего удостоверения. Если это не перенос могилы, администрацию волнует только оплата услуг, им всё равно, кто это делает!

Чэнь Хуань не удержался:

— Значит, просто не хотят, чтобы вы знали.

Он получил по бокам — Лян Юйе и Фэн Юй одновременно ткнули его пальцами. Быстрый ум — это хорошо, но плохо, когда язык работает быстрее мозга.

Лян Юйе посмотрела на Цзян Хуая:

— Может, это Сяо Хуа? Ему ведь сейчас должно быть за тридцать?

Цзян Хуай покачал головой:

— Маловероятно. Во-первых, он не знает, где она похоронена, а во-вторых, если бы он вернулся в Цзянчэн, разве не нашел бы меня?

Лян Юйе отвела его в сторону и понизила голос:

— Может быть, это...

— Невозможно, — резко отрезал Цзян Хуай.

С того момента, как они встретились, Чэнь Хуань ни разу не видел у него такой реакции. В его глазах, блеснувших при этих словах, было больше ненависти, чем гнева.

Лян Юйе дала понять, что рядом другие люди, и оба замолчали, опустив головы.

Остальные начали высказывать свои догадки, но ни к чему не пришли. Пришлось утешить Цзян Хуая: раз могила Сяо Лян Юйде так ухожена, значит, кто-то всё еще помнит и думает о ней.

Чэнь Хуаня не интересовало, кто обновил памятник. Он просто смотрел на женщину на фотографии. Даже в ту эпоху, когда искусство макияжа было весьма примитивным, Сяо Лян Юйде была поразительно красива. Честно говоря, она была даже красивее его матери, заставляя нынешних красавиц с пластикой чувствовать себя неловко.

Разложив венки и подношения, все выстроились в ряд и трижды поклонились. Под зонтами воцарилась тишина, никто больше не произносил ни слова, погружившись в воспоминания о Сяо Лян Юйде и о той эпохе, которой она принадлежала. Изредка слышались тихие всхлипы, и лишь ветер шелестел сквозь дождевую завесу.

Чэнь Хуань снова посмотрел на Цзян Хуая. Тот стоял на коленях перед плитой, поправляя букеты цветов и что-то тихо шепча. Это было то, что касалось только их двоих. Этот человек проводил здесь большую часть своего времени, сопровождая её, а вместе с ней — и остаток собственной жизни. В Долголетии нет долголетия, остались лишь одинокая могила в тысяче ли от дома и невысказанная печаль...

Неужели в этом мире действительно существует такая глубокая любовь, что забирает все силы? Если бы он не покалечился, блистал бы на сцене, женился на красавице, завел детей — как бы сложилась его жизнь? Приходил бы он раз за разом на это мрачное кладбище, чтобы навестить когда-то любимую женщину? Мирские дела непредсказуемы...

Когда остальные начали расходиться, Чэнь Хуань остался стоять, глядя на женщину с фотографии, которая мягко улыбалась ему. Воспоминания детства стали четче — это трогательное лицо казалось таким знакомым. Молча сняв с груди белую хризантему, он положил её на вершину памятника. Возможно, поддавшись настроению Цзян Хуая, Чэнь Хуань почувствовал странную, необъяснимую тоску.

— Апчхи! — Фэн Юй чихнул, обернулся и замер. Затем он позвал Чэнь Хуаня, который стоял у памятника, погруженный в свои мысли: — Эй, Чэнь Хуань!

Чэнь Хуань обернулся и увидел, что Фэн Юй, держа зонт, указывает на кусты неподалеку с выражением крайнего изумления на лице.

— Что случилось? — Чэнь Хуань посмотрел в ту сторону, куда указывал друг, но там было тихо и пусто.

Чэнь Хуань счел это дешевым трюком Фэн Юя, решившего его напугать.

— Мне показалось, я видел того парня, которого ты фотографировал, — Фэн Юй, видя замешательство друга, быстро вспомнил детали: — Восточное озеро, радуга, тот парень,

которого ты снимал.

— Что?! — Чэнь Хуань инстинктивно бросился к кустам. Там была узкая тропинка, по обе стороны которой росли густые сосны, но кроме нескольких посетителей кладбища, никого не было.

Чэнь Хуань разочарованно вздохнул:

— Может, хватит? Какие совпадения? Ты думаешь, он призрак, что ли, чтобы ходить за мной повсюду?

Фэн Юй вздрогнул, но продолжал настаивать:

— Это правда! Он стоял прямо за этими кустами, с черным зонтом. Я обернулся и увидел его, а потом он ушел.

Видя, что Фэн Юй говорит серьезно, Чэнь Хуань снова осмотрелся. Среди множества надгробий не было ни черного зонта, ни мужчины.

Фэн Юй, дрожа от холода в своем легком пиджаке, тоже оглядывался по сторонам, бормоча:

— Это был он, я не мог ошибиться. Как он мог исчезнуть быстрее призрака?

— Ладно, пошли. Мне тоже холодно, аж мурашки по коже, — Чэнь Хуань потянул Фэн Юя прочь. В таком месте долго задерживаться — верный способ сойти с ума.

По дороге назад Фэн Юй не выдержал:

— Кто это был?

Чэнь Хуань ответил:

— Откуда мне знать?

— А зачем ты его фотографировал?

— От нечего делать.

— Понравился внешне? — подколот Фэн Юй.

— Да пошел ты! Я сам красавчик, что, селфи нельзя сделать?

— Тогда почему ты так занервничал?

— С чего это я занервничал?

Фэн Юй рассмеялся:

— Только что! Как только я сказал, что это он, ты так подорвался, будто у тебя из-под носа персик украли!

— О чем вы говорите? Какой персик? — Лян Юйе, сидевшая на заднем сиденье, услышав, как сын и Фэн Юй о чем-то оживленно шепчутся, не выдержала и спросила.

Чэнь Хуань тут же замолчал и сменил позу, готовясь поспать.

Фэн Юй нашелся:

— Ничего, тетя. Тут одна обезьянка захотела персик, а оказалось, что это просто сон. Проснулась — персика нет, а слюни текут.

Чэнь Хуань фыркнул, не желая продолжать разговор. Остальные в машине рассмеялись. Фэн Юй закатил глаза. С тех пор как он знал Чэнь Хуаня, вокруг того всегда крутились девушки, но он ни разу не слышал, чтобы у него было что-то серьезное. Одиноким волк, гуляющий сам по себе. Фэн Юй с ехидной улыбкой наклонился к уху Чэнь Хуаня и что-то прошептал.

Чэнь Хуань вспыхнул:

— Сам ты девственник... — Помня, что в машине люди, он осекся и со всей силы пнул Фэн Юя под стол.

Глядя, как Чэнь Хуань снова закрыл глаза, пытаясь уснуть, и как его щеки слегка покраснели, Фэн Юй, потирая ногу, усмехнулся:

— Спи, спи, может, приснится обезьянка.

Лян Юйе садилась в самолет с красными глазами. Сын всё же отказал ей в просьбе лететь вместе в Имперскую столицу, бросив холодное: У меня дела, лети сама. Чэнь Хуань даже не попрощался, просто сдал билет в бизнес-класс, который купила мать.

— Слушай, ну ты даешь. Что бы с тобой случилось, если бы ты просто побыл с ней? — Фэн Юй тоже был недоволен решительностью Чэнь Хуаня.

При свете вывески уличного кафе Чэнь Хуань отрывал голову острому раку, его губы блестели от масла, и он даже не взглянул на друга.

Местные жители знали, что самые вкусные раки в Цзянчэне готовят именно здесь, и если бы не знающий человек, приезжему их никогда не найти.

Фэн Юй замолчал. Если бы его мать бросила его, когда он учился в средней школе, и сбежала с другим мужчиной, устроив скандал на весь город, из-за чего отец и сын не могли поднять головы ни на работе, ни в школе, он бы, наверное, тоже затаил обиду. Все говорили, что мама Чэнь Хуаня — настоящая бабочка: захотела — улетела, и ни один цветок не удержит такую.

Когда Чэнь Хуань учился в школе, он часто доедал обеды Фэн Юя. Его одежда была грязной, стирать её было некому. Старый Чэнь пропадал в больнице сутками, и если Чэнь Хуань вдруг становился опрятным, Фэн Юй понимал — Доктор Чэнь вернулся домой.

Когда Доктор Чэнь снова исчезал, Фэн Юй забирал никому не нужного Чэнь Хуаня к себе. В любом случае, с Фэн Юем никто из одноклассников не общался — он был приезжим, учился по обмену, а родители жили в Цзянчэне, и его воспитывали бабушка с дедушкой. У двух детей без матерей было много общего. К тому же Чэнь Хуань был красивым и послушным, бабушка с дедушкой его полюбили и постоянно баловали вкусной едой. Со временем Чэнь Хуань стал как родной в доме Фэн Юя. Когда дедушка Фэн Юя умер, Чэнь Хуань плакал даже сильнее, чем когда его родители развелись. Бабушка тогда сказала Фэн Юю: Этот ребенок очень ранимый, не дай его в обиду.

Сейчас Фэн Юй хотел бы сказать бабушке: Бабуль, даже ты можешь ошибаться. Сейчас это твоего внука постоянно обижают, ладно? И вообще, какой бы плохой ни была родная мать, она выносила его под сердцем. Фэн Юй чувствовал, что Чэнь Хуань вовсе не такой мягкосердечный, как думала бабушка.

Теперь мать вернулась, пытаясь всеми способами наладить контакт, но Чэнь Хуань уже не тот маленький мальчик, который ждал её со слезами на глазах. При виде матери ему хотелось просто испариться. Люди сами загоняют себя в тупик.

Маленький телефон Чэнь Хуаня звякнул среди горы красных панцирей. Он вытер жирные руки и нахмурился, затем спросил Фэн Юя:

— Ты когда в Пекин?

Фэн Юй сказал, что ему нужно задержаться еще на пару дней, улетает послезавтра.

— Хорошо, вместе полетим, — сказал Чэнь Хуань и через две минуты купил два билета в бизнес-класс. Фэн Юй не успел его остановить:

— Эй, ты что делаешь? Откуда у меня столько денег?

Чэнь Хуань рассмеялся:

— У тети Лян денег куры не клюют, она же нам перевела. Всё нормально, раз уж меня

продали, считай это компенсацией за моральный ущерб.

Фэн Юй был в ярости:

— Это твоя мать заставила меня это сделать! И вообще, какое отношение деньги твоей матери имеют ко мне?

Чэнь Хуань всосал мясо рака, даже не моргнув глазом:

— У меня нет матери!

Фэн Юй швырнул панцирь в сторону и с досадой встал:

— Пойду заплачу за воду!

— Официант, еще две бутылки ледяного пива, — во весь голос крикнул захмелевший Чэнь Хуань.

— Официант, еще четыре пива, — раздался голос неподалеку, словно кто-то специально решил бросить им вызов.

Чэнь Хуань обернулся, и рак, который он держал во рту, выпал. Это было какое-то проклятие.

Через несколько столиков двое мужчин с двумя красавицами точно так же уплетали раков. Один из мужчин был одет в черный короткий тренч, его холодный, высокомерный взгляд мог убить наповал. Увидев Чэнь Хуаня, который с раком во рту смотрел на него, как щенок, мужчина не выдержал и улыбнулся, даже кивнул в их сторону.

Цзянчэн, хоть и город, но всё же тесный. За несколько дней два незнакомца умудрились оказаться на соседних креслах в самолете, теперь за соседними столиками на одной улице, а еще вместе видели радугу на Восточном озере... Если это не призрак, то что? Судьба? Нет, точно призрак! Сбежал с кладбища?

Чэнь Хуань поднял бокал, отдавая дань уважения призраку.

Призрак ответил тем же.

Оба залпом осушили бокалы.

Люди за их столом посмотрели в ту сторону. Видимо, из-за призрака они тоже дружелюбно улыбнулись Чэнь Хуаню. Затем мужчина встал и, держа наполненный бокал, грациозно направился к Чэнь Хуаню.

Ноги у него длинные... — подумал Чэнь Хуань, наблюдая, как призрак элегантно садится напротив, ставит бокал и кладет ногу на ногу. Он откинулся на спинку стула и начал рассматривать Чэнь Хуаня. Очень внимательно. Чэнь Хуаню стало не по себе, и он был вынужден первым нарушить тишину:

— Хай, какое совпадение!

Мужчина не ответил, поднял бокал и снова выпил до дна.

Чэнь Хуань наполнил свой, выпил — буль-буль, и снова до дна. Алкоголь ударил в голову, желудок сжался, но он удержал всё внутри и, не меняясь в лице, посмотрел на мужчину.

Мужчина достал пачку элитных Хуанхэлоу и предложил первую сигарету Чэнь Хуаню. Чэнь Хуань, часто бывавший в ночных клубах, имел правило: никогда не курить и не пить с незнакомцами — мало ли что они могут подсыпать. Поколебавшись, он всё же взял сигарету.

Мужчина прикурил ему, а затем себе. Два облака дыма поплыли вверх.

— Приехал в Цзянчэн отдохнуть? — естественно спросил мужчина.

— Можно и так сказать, к друзьям.

Мужчина кивнул в сторону, куда ушел Фэн Юй. Чэнь Хуань кивнул в ответ и спросил:

— А ты?

Мужчина подумал:

— И по работе, и по личным делам.

Чэнь Хуань посмотрел на мужчин и женщин неподалеку.

— Клиенты, — ответил мужчина.

— Ты из Пекина?

— Да. Ты тоже?

— Угу.

— Когда обратно?

— Что, хочешь угостить меня кофе? — не без иронии спросил мужчина.

Оба рассмеялись, словно решив оставить все недомолвки в прошлом.

Наступила тишина. Чэнь Хуань наполнил бокалы и снова поднял свой. Мужчина улыбнулся, чокнулся с ним, и бокалы снова опустели. Для этого мужчины пить алкоголь было так же легко, как воду.

<http://bllate.org/book/19151/1880688>